

Апрель

1 неделя «Земля – наш общий дом»

«Мусорная фантазия» Андрей Усачев

Не бросайте никогда корки, шкурки, палки –
Быстро наши города превратятся в свалки.
Если мусорить сейчас, то довольно скоро
Могут вырасти у нас Мусорные горы.
Но когда летать начнут в школу на ракете –
Пострашней произойдут беды на планете...
Как пойдут швырять вверх в космос из ракеты
Банки, склянки, шелуху, рваные пакеты...
Вот тогда не полетят в Новый год снежинки,
А посыплются как град старые ботинки.
А когда пойдут дожди из пустых бутылок –
На прогулку не ходи: береги затылок!
Что же вырастет в саду или в огороде,
Как пойдёт круговорот мусора в природе?..
И хотя мы в школьный класс не летим в ракете,
Лучше мусорить сейчас отвыкайте, дети!

Зинаида Александрова « Родина»

Если скажут слово “Родина”,
Сразу в памяти встаёт
Старый дом, в саду смородина,
Толстый тополь у ворот.

У реки берёзка-скромница
И ромашковый бугор...
А другим, наверно, вспомнится
Свой родной московский двор...

В лужах первые кораблики,
Над скалкой топот ног
И большой соседней фабрики
Громкий радостный гудок.

Или степь от маков красная,
Золотая целина...
Родина бывает разная,
Но у всех она одна!

«История одной яблоньки» Константин Ушинский

Росла в лесу дикая яблоня; осенью упало с неё кислое яблоко. Птицы склевали яблоко, поклевали и зёрнышки.

Одно только зёрнышко спряталось в землю и осталось.

Зиму пролежало зёрнышко под снегом, а весной, когда солнышко пригрело мокрую землю, зерно стало прорастать: пустило вниз корешок, а кверху выгнало два первых листика. Из промеж листочков выбежал стебелёк с почкой, а из почки, наверху, вышли зелёные листики. Почка за почкой, листик за листиком, веточка за веточкой — и лет через пять хорошенькая яблонька стояла на том месте, где упало зёрнышко.

Пришёл в лес садовник с заступом, увидал яблоньку и говорит: «Вот хорошее деревцо, оно мне пригодится».

Задрожала яблонька, когда садовник стал её выкапывать, и думает: «Пропала я совсем!» Но садовник выкопал яблоньку осторожно, корешков не повредил, перенёс её в сад и посадил в хорошую землю.

II

Загордилась яблонька в саду: «Должно быть, я редкое дерево, — думает она, — когда меня из лесу в сад перенесли», — и свысока посматривает вокруг на некрасивые пеньки, завязанные тряпочками; не знала она, что попала в школу.

На другой год пришёл садовник с кривым ножом и стал яблоньку резать.

Задрожала яблонька и думает: «Ну, теперь-то я совсем пропала».

Срезал садовник всю зелёную верхушку дерева, оставил один пенёк, да и тот ещё расщепил сверху; в трещину воткнул садовник молодой побег от хорошей яблони; закрыл рану замазкой, обвязал тряпочкой, обставил новую прищепку колышками и ушёл.

III

Прихворнула яблонька; но была она молода и сильна, скоро поправилась и срослась с чужой веточкой.

Пьёт веточка соки сильной яблоньки и растёт быстро: выкидывает почку за почкой, лист за листком, выгоняет побег за побегом, веточку за веточкой, и года через три зацвело деревцо бело-розовыми душистыми цветами.

Опали бело-розовые лепестки, и на их месте появилась зелёная завязь, а к осени из завязи сделались яблоки; да уж не дикие кислицы, а большие, румяные, сладкие, рассыпчатые!

И такая-то хорошенькая удалась яблонька, что из других садов приходили брать от неё побеги для прищеп.

«Птицы» Константин Ушинский

В одной хорошенькой малороссийской деревеньке было столько садов, что вся она казалась одним большим садом.

Деревья цвели и благоухали весною, а в густой зелени их ветвей порхало множество птичек, оглашавших окрестность звонкими песнями и веселым щебетаньем; осенью уже появлялось между листьями множество розовых яблок, желтых груш и сине-пурпуровых слив.

Но вот несколько злых мальчиков, собравшись толпою, разорили птичьи гнезда. Бедные птицы покинули сады и больше уже в них не возвращались.

Прошла осень и зима, пришла новая весна; но в садах было тихо и печально. Вредные гусеницы, которых прежде птицы истребляли тысячами, разводились теперь беспрепятственно и пожирали на деревьях не только цветы, но и листья: и вот обнаженные деревья посреди лета смотрели печально, будто зимою.

Пришла осень, но в садах не было ни розовых яблок, ни желтых груш, ни пурпуровых слив; на ветках не перепархивали веселые птички; деревня не оглашалась их звонкими песнями.

2 неделя «Космос»

«У космонавтов юбилей» *Наталья Родивилина*

Денёк особый к нам пришёл -
У космонавтов праздник!
Об этом знает хорошо
Тихоня и проказник!

И все твердят, кому не лень,
Всегда одно и то же:
Раз я родился в этот день,
Стать космонавтом должен!

Нет, астронавтом не хочу.
Скорее – астрономом.
Я все планеты изучу,
Не выходя из дома.

Но, может, всё-таки врачом? -
Проблем в семье не будет,
Всегда подставляю я плечо
Родным и близким людям.

А путешественником стать
Мечтают все мальчишки-
Чтоб страны, земли открывать,
Писать об этом книжки.

У космонавтов юбилей
И мне сегодня десять...
А что душе моей милей,
Ещё есть время взвесить!

Я.Аким «На Луне жил звездочёт»

На Луне жил звездочёт

Он планетам вёл учёт:

МЕРКУРИЙ — раз,

ВЕНЕРА — два-с,

Три — ЗЕМЛЯ,

Четыре — МАРС,

Пять — ЮПИТЕР,

Шесть — САТУРН,

Семь — УРАН,

Восемь — НЕПТУН,

Девять — дальше всех ПЛУТОН,

Кто не видит — выйди вон!

Сказка «Про находчивую девочку и щедрое Солнце» Ирис Ревю

Жила-была планета Земля. Её освещало Солнышко. Оно было большое, золотое, доброе. Солнышко вставало утром и начинало свою работу. Его тёплые лучи освещали Землю и согревали всё живое. Люди, звери, птицы – все были довольны. Но когда Солнышко ложилось спать, на Земле наступала такая темнота, что и рассказать нельзя. Но вот однажды одна маленькая девочка сказала Солнышку:

— Спасибо, Солнце, за то, что ты светишь днём. Хорошо, если бы кто-то светил и ночью. А то я так боюсь темноты. Солнышко нахмурило свой прекрасный лобик, подумало и решило:

— С помощью своих лучей я совершу волшебство: мои лучики подарят Луне свет, а она будет посылать свет на Землю. Так и случилось. Теперь ночи на Земле не были такими тёмными. Кроме того, вызвались освещать Землю ночью и звезды. Люди были очень довольны. А маленькая девочка теперь спокойно спала ночью. Ей снились сны про Землю, Луну, звезды и, конечно же, про Солнце.

«Космическое чудо» Ирис Ревю

Где-то в далекой Галактике жили-были звёзды. Они чувствовали себя счастливыми, потому что были свободными, красивыми и доброжелательными. Они дарили свой волшебный свет просто потому, что родились звездами. Они были горды тем, что являлись частью огромного и волшебного Космоса. Все звезды чем-то отличались друг от друга. Звезды белого и голубого цвета нрав имели спокойный, а желтые, оранжевые и красные звезды были побойчее. И вот однажды в космосе случилось чудо. Дело было так. Много лет ничто не нарушало покой звёзд.

И вдруг в космическом пространстве появилось нечто – огромное, блестящее. Оно появилось без спросу и несло на огромной скорости. У звёзд даже рты раскрылись. От изумления они ничего не могли произнести. И только одна маленькая красная звездочка восхищенно сказала:

— Браво! ...

В Космосе, как и на Земле, есть свои феи. Они тоже творят волшебство. Одна из космических фей, Чудея, заметила, как маленькая красная звездочка восторженно смотрит на блестящую новинку.

— Хочешь взглянуть на неё поближе?

— спросила фея звездочку.

— Это было бы чудесно, — тихо произнесла та.

— Я здесь для того, чтобы творить волшебство, — сказала фея.

Своей волшебной палочкой фея дотронулась до звездочки, и та вмиг оказалась неподалеку от блестящего чуда. Звездочка засмеялась и начала сиять на все лады. А потом пританцовывать. Вскоре она успокоилась, и долго, с восторгом, смотрела на блестящую диковину. В какой-то момент ей показалось, что оттуда кто-то приветливо помахал ей рукой...

3 неделя « Подводный мир»

«Для чего морю наряды?» В. Орлова.

В ночь любую,
в день любой
Море занято собой:
По утрам оно одето
В платье розового цвета.
Днём — одето
В голубое,
С белой ленточкой прибоя.
А сиреневое платье
Надевает на закате.
По ночам на чёрной глади —
Мягкий бархатный наряд,
А на бархатном наряде
Драгоценности горят.
— Море,
если не секрет,
Дай, пожалуйста, ответ:
Для чего тебе наряды? —
Чтобы люди были рады.

«В синем море, в белой пене (На дне морском)» Инны Сударевой.

«Дядя Кит»:

Дядя Кит — он самый-самый:
Самый важный, самый главный,
Самый добрый и большой,
И, как небо, — голубой.
Он плывёт по океану,
Удивляет всех фонтаном.

«Медуза»:

Барышня-Медуза
В пышных кружевах
Весело танцует
На морских волнах.
Длинные серёжки
Очень ей идут.
Ими любоваться
Рыбы все плывут.

«Морской ёжик»:

Живёт на дне колючка —
Угрюмый Ёжик-злючка.
За камушки цепляется,
Морской травой питается.

«Морские звёздочки»:

Звёздочки морские
Новый Год встречали.
И коралл, как ёлку,
Дружно наряжали.
Только нет игрушек
В море под водой.
И пришлось им ветки
Украшать собой.

«Дельфины»:

Вот Дельфины-акробаты
Белобокие ребята.
В цирке водном выступают,
В обруч прыгают, играют.
Любят вальсы танцевать,
Хором песенки петь.

«Краб»:

Краб — известный забияка,
Он чуть-чуть похож на рака.
Клешни грозные имеет
В драках шумных не робеет.

«Осьминог»:

Бедный-бедный осьминог
Нынче утром сбился с ног.
Перепутались во сне,
Словно нитки, ноги все.

«**Морские коньки**»:

Рыжие лошадки
Есть и воронные.
А ещё, ребятки,
Есть коньки морские.
Нет у них подковок,
Нет пушистой гривы.
Под водой, в кораллах
Плавают игриво.

По щучьему веленью — русская народная сказка

В одной небольшой деревушке жили три брата: Семен, Василий и третий — Емеля-дурак. Старшие братья были женаты и занимались торговлей, а Емеля-дурак все лежал на печи, перегребал сажу и спал по несколько суток непробудным сном.

И вот однажды братья решили ехать в столичный город для покупки товаров. Емелю разбудили, стащили с печи и говорят ему: «Мы, Емеля, уезжаем в столичный город за разными товарами, а ты живи с невестками хорошо, слушайся их, если они тебя попросят в чем-нибудь им помочь. Если ты будешь их слушать, то мы за это тебе привезем из города красный кафтан, красную шапку и красную подпояску. А кроме того — еще много гостинцев». А Емеле всего пуще нравилась красная одежда; он обрадовался таким нарядам и от радости захлопал в ладоши: «Все, братцы, будет сделано для ваших жен, если только купите такие наряды!» Сам опять залез на печь и тут же заснул непробудным сном. А братья попрощались со своими женами и отправились в столичный город.

Вот Емеля спит сутки, спит другие, а на третьи сутки невестки его будят: «Вставай, Емеля, с печи, уж, наверное, выспался, ведь спишь трое суток. Сходи за водой на реку!» А он им отвечает: «Не приставайте ко мне, я спать очень хочу. И сами не барыни, сходите по воду!» — «Ты ведь давал слово братьям, что будешь слушаться нас! А сам отказываешься. В таком случае мы напишем братьям, чтоб они не покупали тебе ни красного кафтана, ни красной шапки, ни красной подпояски, ни гостинцев».

Тогда Емеля быстро соскакивает с печи, надевает опорки и худой кафтан, весь замазанный сажей (а шапку он никогда не носил), взял ведра и пошел на реку.

И вот, когда он набрал воды в проруби и хотел уже идти, увидел, как вдруг из проруби появилась щука. Он и подумал: «Хороший пирог испекут мне невестки!» Поставил ведра и схватил щуку; но щука вдруг заговорила человеческим голосом. Емеля хоть был дурак, но знал, что рыба не говорит человеческим голосом, и очень испугался. А щука ему сказала: «Отпусти ты меня в воду на свободу! Я тебе со временем пригожусь, буду исполнять все твои приказания. Ты только скажи: «По щучьему веленью, а по моему прошенью» — и все для тебя будет».

И Емеля отпустил ее. Отпустил и думает: «А может, она меня обманула?» Подошел он к ведрам и громким голосом крикнул: «По щучьему веленью, а по моему прошенью, ведра, идите в гору сами, да не пролейте ни одной капли воды!» И не успел он закончить своего последнего слова, как ведра пошли.

Народ увидел и удивился такому чуду: «Сколько мы прожили на свете, не только видеть, даже слышать не пришлось, чтоб ведра ходили сами, а у этого дурака Емели идут сами, а он идет сзади и посмеивается!»

Когда ведра пришли в дом, то и невестки удивились такому чуду, а он скорёхонько забрался на печь и заснул богатырским сном.

Прошло довольно много времени, у них кончился запас колотых дров, а невестки задумали печь блины. Будят Емелю: «Емеля, а Емеля!» А он отвечает: «Не приставайте ко мне... Я спать хочу!» — «Иди наколи дров и принеси в избу. Мы хотим блины печь и тебя накормим самыми масляными». — «И сами не барыни — сходите, наколите и принесёте!» — «А если мы только наколем дрова, наносим сами, то тебе ни одного блина не дадим!»

Но Емеля очень любил блины. Взял он топор и пошел на двор. Колол, колол, да и подумал: «Что я колю, дурак, пусть колет щука». И сказал про себя тихим голосом: «По щучьему веленью, а по моему прошенью, топор, коли дрова, а дрова, летите сами в избу». И вот топор в один момент весь запас дров переколол; вдруг отворилась дверь и в избу влетела огромная связка дров. Невестки так и ахнули: «Что это у нас сделалось с Емелей, он прямо творит какие-то чудеса!» А он вошел в избу и залез на печь. Невестки растопили печь, напекли блинов, сели за стол, едят. А его будили, будили, так и не разбудили.

Спустя некоторое время у них весь запас дров кончился, нужно ехать в лес. Начали его будить снова: «Емеля, встань, проснись, — уж, наверное, выспался! Хоть бы ты вымыл свою страшную морду — ты посмотри, до чего измазался!» — «Умывайтесь сами, если вам нужно! А мне и так хорошо...» — «Поезжай в лес за дровами, у нас дров нет!» — «Съездите и сами — не барыни. Дрова вам принес, а

блинами не кормили меня!» — «Мы же тебя будили, будили, а ты даже голоса не подаешь! Не мы виноваты, а ты сам виноват. Почему не слезал?» — «Мне на печке тепло... А вы бы взяли и положили мне блинка хотя бы три. Я бы когда пробудился, их бы и съел». — «Ты все нам перечишь, не слушаешься нас! Надо написать братьям, чтобы они тебе не покупали никаких красных нарядов и гостинцев!»

Тогда Емеля испугался, надевает свой худой кафтан, берет топор, выходит во двор, заворачивает сани и берет в руки дубину. А невестки вышли смотреть: «А почему ты лошадь не запрягаешь? Как же ты поедешь без лошади?» — «А зачем бедную лошадку мучить! Я и без лошади съезжу». — «Ты хоть бы на голову шапку надел или что-нибудь повязал! А то ведь мороз, обморозишь уши». — «Если будут мои уши зябнуть, то я волосами загорожу их!» И сам сказал тихим голосом: «По щучьему веленью, а по моему прошенью, поезжайте сами, сани, в лес да летите быстрее всякой птицы». И не успел Емеля окончить последних слов, как ворота распахнулись и сани быстрее птицы полетели по направлению к лесу. А Емеля сидит, подняв дубину кверху, и, что ни есть голоса, напевает дурацкие песни. А волосы его стоят дыбом.

Лес был за городом. И вот приходится ему проезжать через город. А городская публика не успевает убежать с дороги: интересовались — едет какой-то молодец без лошади, в одних санях! Кто хватался за его сани, того он бил дубиной — по чему попадет. Вот он город проскакал и много народу помял и многих своей дубиной поколотил. Приехал в лес и громким голосом крикнул: «По щучьему веленью, по моему прошенью, топор, руби дрова сам, а дрова, летите в сани сами!»

И чуть только он успел окончить свою речь, как уж у него был полный воз дров, и увязан крепко. Тогда он сел на воз и поехал снова через этот город. А улицы так и запрудились народом. И все рассуждают о молодце, что проехал в одних санях без лошади. На обратном пути, когда проезжал Емеля с возом дров, то еще больше подавил людей и еще больше поколотил дубиной, чем в первый раз.

Приехал домой, залез на печь, а невестки так и ахнули: «Что это у нас сделалось с Емелей, он прямо какие-то чудеса творит: у него и ведра сами ходят, и дрова сами в избу летят, и сани без лошади ездят! Нам с ним несдобровать. Наверно, он много народу помял в городе, и нас с ним посадят в темницу!»

И решили больше его никуда не посылать. А Емеля спит себе спокойно на печи, когда же пробудится, перегребают в трубе сажу и снова засыпает.

Донесся о Емеле слух до царя, что есть такой человек, у которого сани ездят сами и что очень много народу в городе он подавил. Призывает царь верного слугу и приказывает ему: «Иди и разыщи ты мне этого молодца и привези лично ко мне!»

Царский слуга отправляется на розыски по разным городам, и селам, и деревням и везде и всюду получает один и тот же ответ: «Слыхать слыхали о таком молодце, но где он живет, не знаем». Вот, наконец, попадает он в тот город, где Емеля придавил много народу. А этот город от еmeliной деревни находится в семи верстах, и как раз на разговор попал один человек из еmeliной деревни и сказал ему, что такой молодец живет в его деревне, — это Емеля-дурак. Тогда царский слуга приходит в еmeliну деревню, заходит к сельскому старосте и говорит ему:

«Идем возьмем мы этого молодца, который столь много народу подавил». Когда царский слуга и староста пришли в дом Емели, то очень перепугались невестки: «Пропали мы! Этот дурак не только себя загубил, но и нас». А царский слуга спрашивает невесток: «Где у вас находится Емеля?» — «Вон на печи спит». Тогда царский слуга закричал громким голосом на Емелю: «Емеля, слезай с печи!» — «Это зачем? Мне и на печке тепло. Не приставайте ко мне, я спать хочу!»

И снова захрапел крепким сном. Но царский слуга вместе со старостой захотели его стащить с печи силой. Когда Емеля почувствовал, что его стащили с печи, то закричал во всю свою дурную глотку громким голосом: «По шучьему веленью, а по еmeliному прошенью, явись, дубинка, и угости царского слугу и нашего старосту хорошенько!»

И вдруг дубинка явилась — как начала бить беспощадно и старосту, и царского слугу! Они едва живые выбрались из этой избы. Видит царский слуга, что Емелю взять нет никакой возможности, отправился к царю и рассказал ему все подробно: «Вы посмотрите, ваше царское величество, как все мое тело избито». И поднял свою рубашку, а тело его было как чугунное, черное, все в ссадинах. Тогда царь призывает другого слугу и говорит: «Один разыскал, а ты иди и приведи. А если не приведешь, то я с тебя голову сниму, а приведешь — щедро награжу!»

Другой царский слуга расспросил первого, где Емеля живет. Тот ему все рассказал. Он нанял тройку лошадей и поехал к Емеле. Когда приехал в еmeliну деревню, то обратился к старосте: «Укажи мне, где живет Емеля, и помоги мне его взять». Староста боится прогневать и царского слугу — нельзя, накажет, а еmeliных побоев боится еще пуще. Он все рассказал ему подробно и сказал, что насильно Емелю взять нельзя. Тогда царский слуга и говорит: «Так как же его нам взять?» Староста говорит: «Он очень любит гостинцы: конфеты и пряники».

Набрал царский слуга гостинцев, приходит в дом к Емеле и начал будить его: «Емеля, слезай с печи, тебе вот царь прислал много гостинцев». Когда Емеля услышал это, обрадовался и сказал: «Давай, я и на печке их съем — зачем мне слезать? А потом и отдохну». А царский слуга и говорит ему: «Ты гостинцы съешь, а поедешь ли к царю в гости? Он тебе в гости велел приехать». — «Почему не съездить? Я кататься люблю». А невестки сказали царскому слуге: «Лучше отдайте ему на печь, что намерены отдать. И если он обещал приехать к царю, то он не обманет, приедет».

И вот подали ему гостинцы, он их съел. Царский слуга говорит: «Ну, наелся гостинцев, теперь поедem к царю». Емеля ему в ответ: «Ты поезжай, царский слуга... Я тебя догоню: не обману, приеду», — сам лег и на всю избу захрапел.

А царский слуга еще раз переспросил невесток, верно ли, если он что обещает, то после делает? Те, конечно, подтвердили, что действительно он никогда не обманывает. Царский слуга уехал, а Емеля спит себе преспокойно на печи. А пробудится — семечки пощелкает, потом снова засыпает.

И вот прошло довольно много времени, а Емеля и не думает к царю ехать. Тогда невестки начали Емелю будить и ругать: «Ты, Емеля, вставай, довольно тебе спать!» Он им отвечает: «Не приставайте ко мне, я очень спать хочу!» — «Но ведь ты обещал ехать к царю! Гостинцы ел, а сам спишь и не едешь». — «Ну ладно, сейчас поеду... Подайте-ка мне мой кафтан, а то, пожалуй, озябну». — «И сам

возьмешь, ведь не на печи ты поедешь! Слезай с печи да бери». — «Нет, на санях озябну; я на печке буду полеживать, а сверху кафтан!»

Но невестки ему говорят: «Что ты, дурак, думаешь и делаешь? Где слыхано, чтобы люди ездили на печи!» — «То люди, а то я! Я поеду».

И он соскочил с печи, из-под лавки достал свой кафтанишко, залез опять на печь, укрылся и громким голосом сказал: «По щучьему веленью, а по моему прошенью, печь, поезжай прямо к царю во дворец!»

И печь затрещала и вдруг вылетела на волю. И быстрее всякой птицы понеслась к царю. А он во все горло напевает песенки и полеживает. Потом заснул.

И только въехал царский слуга во двор царя, как влетает и Емеля-дурак на своей печи. Слуга увидел, что он приехал, и побежал докладывать царю. Заинтересовало такое прибытие не только царя, но и всю его свиту и все его семейство. Все вышли смотреть на Емелю, а он сидит на печи и разинул рот. И вышла царская дочь. Когда Емеля увидал такую красавицу, то очень она ему понравилась, и он сказал про себя тихим голосом: «По щучьему велению, по моему прошению, влюбись, красавица, в меня». А царь ему приказывает слезать с печи; Емеля отвечает: «Это зачем? Мне и на печи тепло, я вас всех и с печи вижу... Что нужно, говори!» Царь ему тогда строгим голосом сказал: «Зачем ты много народа примял, когда ездил в санях?» — «А что они не сворачивают? И ты бы стоял разинув рот, и тебя бы задавил!»

Царь очень рассердился на эти слова и приказал Емелю стащить с печи. А Емеля, как увидел царскую стражу, громким голосом сказал: «По щучьему веленью, по моему прошенью, печь, лети на свое место обратно!» И не успел он окончить последних слов, как печь с быстротою молнии вылетела из царского дворца. А ворота отворились сами...

Приехал домой, невестки спрашивают его: «Ну что, был у царя?» — «Конечно, был. Не в лес же я ездил!» — «Ты, Емеля, творишь у нас какие-то чудеса! Почему у тебя все двигается: и сани ездят сами, и печь сама летает? А почему у людей этого нет?» — «Нет и не будет. А меня все слушается!»

И заснул крепким сном. А между тем царевна стала тосковать по Емеле так, что ей без него уж стал и не мил божий свет. И стала просить своего отца с матерью, чтобы он призвал этого молодого человека и отдал ее замуж за него. Царь удивился такой странной просьбе дочери и сильно разгневался на нее. Но она говорит: «Я больше жить не могу на белом свете, на меня напала какая-то сильная тоска — отдай меня за него замуж!»

Царь видит, что дочь не поддается на уговоры, не слушает отца и матери, решил призвать этого дурака Емелю. И посылает третьего слугу: «Иди и привези его ко мне, но не на печи!» И вот царский слуга приезжает в еmeliну деревню. Так как рассказали ему, что Емеля любит гостинцы, то он набрал множество самых разных гостинцев. По приходу разбудил Емелю и говорит: «Слезай, Емеля, с печи и ешь гостинцы». А он ему и говорит: «Давай, я и на печи гостинцы съем!» — «У тебя уж, наверное, пролежни на боках — ты все лежишь на печи! Я хочу, чтоб ты сидел около меня, и я тебя буду угощать, как барина».

Тогда Емеля слезает с печи и надевает свой кафтан. Он очень боялся простуды. А кафтан — только что было название «кафтан» — висела заплата на

заплате, весь был рваный. И вот царский слуга начинает его угощать. А Емеля скоро наелся гостинцев и уснул за столом на лавке. Тогда царский слуга приказал Емелю положить в экипаж свой и так, сонного, привез во дворец. Когда царь узнал, что Емеля прибыл, приказал выкатить сорокаведерную бочку и посадить в эту бочку царевну и Емелю-дурака. Когда посадили, бочку засмолили и опустили в море. А Емеля и в бочке спит непробудным сном. На третьи сутки стала его будить прекрасная царевна: «Емеля, а Емеля! Встань, проснись!» — «Не приставай ко мне. Я спать хочу!»

Она горько заплакала из-за того, что он на нее не обращает никакого внимания. Когда он увидел ее горькие слезы, то сжалился над ней и спрашивает: «О чем ты плачешь?» — «Как мне не плакать? Мы ведь брошены в море и сидим в бочке». Тогда Емеля сказал: «По щучьему веленью, а по моему прошенью, бочка, вылети на берег и рассыпся на мелкие части!»

И их моментально волной морской выкинуло на берег, и бочка рассыпалась; и этот остров так был хорош, что прекрасная царевна ходила по нему и не могла налюбоваться его красотой до самой поздней ночи.

Когда пришла к тому месту, где оставила Емелю, видит: он, накрывшись кафтаном, спит непробудным сном. Стала она его будить: «Емеля, а Емеля! Встань, проснись!» — «Не приставай ко мне! Я спать хочу». — «И я хочу спать. Да под открытым небом ночью озябнешь...» — «Я кафтаном укрылся». — «А я-то чем?» — «А мне-то какое дело?»

Тогда царевна очень горько заплакала из-за того, что он на нее не обращает никакого внимания, а она его любит от всей души. Когда он увидел, что царевна плачет, то спросил ее: «Чего тебе надо?» — «Да хотя бы нам какой-нибудь сделать шалаш, а то ведь дождем замочит». Тогда он крикнул громким голосом: «По щучьему веленью, а по моему прошенью, явись такой дворец, какого еще на всем свете нет!»

И только чуть успел окончить последние слова, как на этом красивом острове появился мраморный и очень красивый дворец -такой, какого нет и не было ни в одном столичном городе! Царевна берет под руки Емелю и подходит к этому дворцу. А придворные их встречают, и широко ворота и двери им отворяют, и отдают земной поклон до сырой земли...

Когда они вошли в этот дворец, то Емеля на первую попавшуюся кровать бросился спать, не сняв даже своего рваного кафтана. А царевна между тем пошла осматривать этот великолепный дворец и любоваться его роскошью. Когда пришла к тому месту, где Емелю оставила, увидела вдруг, что он горько плачет. Спрашивает его: «О чем ты, милый Емеля, так горько плачешь?» — «Как мне не реветь и не плакать? Печи-то я не нахожу, лежать-то мне не на чем!» — «А разве тебе плохо на пуховой перине лежать или на драгоценном диване?» — «Мне на печи лучше всего! А кроме того, и забавиться мне нечем: сажи тоже нигде не вижу...»

Успокоила она его, он снова заснул, а она опять ушла от него. И когда нагулялась по дворцу, приходит к Емеле и удивляется: Емеля стоит перед зеркалом и ругается: «Я очень некрасивый и нехороший! Какое у меня страшное лицо!» А царевна ему отвечает: «Хотя ты нехорош и непригож, а сердцу моему очень мил, и

я тебя люблю!» Тогда он сказал: «По щучьему веленью, а по моему прошенью, я должен сделаться самым красивым молодцем!»

И вот вдруг перед глазами царевны Емеля изменился и в такого героя-красавца превратился, что ни в сказке сказать, ни пером описать! И с умным рассудком... Только тогда он полюбил царевну и стал с ней обращаться как со своей женой.

Спустя не так много времени вдруг слышат они пушечные выстрелы на море. Тогда Емеля и прекрасная царевна выходят из своего дворца, и царевна узнаёт корабль своего отца. Говорит она Емеле: «Иди встречай гостей, а я не пойду!»

Когда Емеля подошел к пристани, царь со своей свитой уже сходил на берег. И дивится царь этому вновь выстроенному дворцу с великолепными зелеными садами и спрашивает Емелю: «Какому царству принадлежит этот драгоценный дворец?» Емеля сказал: «Это — вашему». И просит его к себе в гости попробовать хлеба-соли.

Царь вошел во дворец, сел за стол, он и спрашивает Емелю: «А где ваша супруга? Или вы холостой?» — «Нет, я женатый, сейчас приведу вам жену».

Сходил Емеля за женой, подходят они к царю, а царь очень удивился и перепугался, не знает, что и делать! Спрашивает: «Неужто это ты, моя дорогая дочь?» — «Да, я, дражайший родитель! Ты меня и моего супруга бросил в засмолённой бочке в море, а мы выплыли на этот остров, и мой Емельян Иванович все сам это устроил, что вы видите своими очами». — «Как же так? Ведь он был дурак и даже был не похож на человека, а скорее на какое-то чудовище!» — «Он самый, только теперь переродился и изменился». Тогда царь просит у них прощения — как у дочери, так и у любимого зятя Емельяна Ивановича; они ему вину простили.

Погостивши у своего зятя с дочерью, царь приглашает их к себе в гости, чтоб повенчать их и пригласить всех родных и знакомых на свадьбу, на что Емеля дал свое согласие.

Когда царь стал рассылать гонцов, чтоб приезжали все на этот великий пир, тогда Емеля тоже говорит своей прекрасной царевне: «И у меня есть родные, разрешите мне лично съездить за ними. А вы останьтесь пока во дворце». Царь и прекрасная молодая царевна хотя и с неохотой, но все же отпустили, дали ему тройку самых лучших коней, запряженных в раззолоченную карету, и с кучером, и он помчался в свою деревню. Когда стал подъезжать к родным местам, проезжая темный лес, вдруг слышит в стороне ауканье. Приказывает он кучеру коней остановить и говорит ему: «Это какие-то люди заблудились в этом темном лесу!»

И начинает на их голос отвечать сам. И вот видит, подходят к нему два его родных брата. Емеля спрашивает их: «Что вы ходите, добрые люди, здесь и так громко кричите? Наверно, вы заблудились?» — «Нет, мы разыскиваем своего родного брата. Он у нас пропал!» — «Как же он у вас пропал?» — «А его увезли к царю. И мы думаем, что он от него убежал и, наверное, заблудился в этом темном лесу, потому что он был дурак» — «Так зачем же дурака вам разыскивать?» — «Как же нам его не разыскивать? Ведь он нам родной брат, и мы его жалеем пуще, чем самих себя, потому что он убогий, глупый человек!»

И у братьев навернулись на глаза слезы. Тогда Емеля им и говорит: «Вот это я самый — ваш брат Емеля!» Они никак с ним не соглашались: «Вы, пожалуйста, не смейтесь и не обманывайте нас! Нам и так тошно».

Он их стал уверять, рассказал, как все с ним произошло, и вспомнил все, что знал о своей деревне. А кроме того, снял с себя одежду и сказал: «Вы знаете, что у меня на правом боку есть большая родинка, она и теперь у меня на боку».

Тогда братья поверили; он посадил их в раззолоченную карету, и они поехали дальше. Проехавши лес, доехали до деревни. Емеля нанимает другую тройку лошадей и отправляет на ней братьев к царю: «А я съезжу за невестками, вашими женами».

Когда приехал Емеля в свою деревню и вошел в родной дом, то невестки очень перепугались. А он им говорит: «Собирайтесь к царю!» Те еле устояли на своих ногах и горько заплакали: «Наверно, чего-нибудь набедокурил наш дурак Емеля, и нас, наверно, царь посадит в темницу...» А он приказывает: «Как можно скорей снаряжайтесь и не берите ничего с собой!» И усадил их около себя в раззолоченную карету.

И вот приезжают они к царскому дворцу, где царь, и прекрасная царевна, и царская свита, и их мужья идут навстречу им. Мужья говорят: «Что вы очень горюете? Ведь это с вами наш брат Емельян Иванович!» Говорят и весело улыбаются женам. Только тогда они успокоились, бросились в ноги Емельяну Ивановичу и стали просить прощения за плохое свое с ним раньше обращение.

Емеля все им простил и всех — как братьев, так и невесток — нарядил в драгоценные одежды. А царь пир приготовил и дал родительское благословение дочери и Емеле идти под венец. Когда обвенчались, то Емеля не стал делать в царском дворце пир, а пригласил всех в свой дворец на острове. И вся свита царская с гостями с великим удовольствием поехала посмотреть этот чудный остров и драгоценный красивый дворец. А по приезде туда задали пир на весь мир.

И я там был, вино, пиво пил, по усам текло, а в рот не попало!

4 неделя «Животный мир весной»

Весенняя гостья. Иван Белоусов

Милая певунья,
Ласточка родная,
К нам домой вернулась
Из чужого края.

Под окошком вьется
С песенкой живою:
«Я весну и солнце
Принесла с собою...»

Сергей Есенин «Черемуха»

Черемуха душистая
С весною расцвела
И ветки золотистые,
Что кудри, завила.
Кругом роса медвяная
Сползает по коре,
Под нею зелень пряная
Сияет в серебре.
А рядом, у проталинки,
В траве, между корней,
Бежит, струится маленький
Серебряный ручей.
Черемуха душистая
Развесившись, стоит,
А зелень золотистая
На солнышке горит.
Ручей волной гремячею
Все ветки обдает
И вкрадчиво под кручею
Ей песенки поет.

«Гадкий утенок» Андерсен Ганс Христиан

Хорошо было за городом! Стояло лето. На полях уже золотилась рожь, овес зеленел, сено было смётано в стога; по зеленому лугу расхаживал длинноногий аист и болтал по-египетски – этому языку он выучился у своей матери. За полями и лугами темнел большой лес, а в лесу прятались глубокие синие озера. Да, хорошо было за городом! Солнце освещало старую усадьбу, окруженную глубокими канавами с водой. Вся земля – от стен дома до самой воды – заросла лопухом, да таким высоким, что маленькие дети могли стоять под самыми крупными его листьями во весь рост.

В чаще лопуха было так же глухо и дико, как в густом лесу, и вот там-то сидела на яйцах утка. Сидела она уже давно, и ей это занятие порядком надоело. К тому же ее редко навещали, – другим уткам больше нравилось плавать по канавкам, чем сидеть в лопухе да крякать вместе с нею.

Наконец яичные скорлупки затрещали.

Утята зашевелились, застучали клювами и высунули головки.

– Пип, пип! – сказали они.

– Кряк, кряк! – ответила утка. – Поторапливайтесь!

Утята выкарабкались кое-как из скорлупы и стали озираться кругом, разглядывая зеленые листья лопуха. Мать не мешала им – зеленый цвет полезен для глаз.

– Ах, как велик мир! – сказали утята. Еще бы! Теперь им было куда просторнее, чем в скорлупе.

– Уж не думаете ли вы, что тут и весь мир? – сказала мать. – Какое там! Он тянется далеко-далеко, туда, за сад, за поле... Но, по правде говоря, там я отроду не бывала!.. Ну что, все уже выбрались? – И она поднялась на ноги. – Ах нет, еще не все... Самое большое яйцо целехонько! Да когда же этому будет конец! Я скоро совсем потеряю терпение.

И она уселась опять.

– Ну, как дела? – спросила старая утка, просунув голову в чашу лопуха.

– Да вот, с одним яйцом никак не могу справиться, – сказала молодая утка. – Сижую, сижду, а оно всё не лопается. Зато посмотри на тех малюток, что уже вылупились. Просто прелесть! Все, как один, – в отца! А он-то, негодный, даже не навестил меня ни разу!

– Постой, покажи-ка мне сперва то яйцо, которое не лопается, – сказала старая утка. – Уж не индюшечье ли оно, чего доброго? Ну да, конечно!.. Вот точно так же и меня однажды провели. А сколько хлопот было у меня потом с этими индюшатами! Ты не поверишь: они до того боятся воды, что их и не загонишь в канаву. Уж я и шипела,

и крякала, и просто толкала их в воду, – не идут, да и только. Дай-ка я еще раз взгляну. Ну, так и есть! Индюшечье! Брось-ка его да ступай учи своих деток плавать!

– Нет, я, пожалуй, посижу, – сказала молодая утка. – Уж столько терпела, что можно еще немного потерпеть.

– Ну и сиди! – сказала старая утка и ушла. И вот наконец большое яйцо треснуло.

– Пип! Пип! – пропищал птенец и вывалился из скорлупы.

Но какой же он был большой и гадкий! Утка оглядела его со всех сторон и всплеснула крыльями.

– Ужасный урод! – сказала она. – И совсем не похож на других! Уж не индюшонок ли это в самом деле? Ну, да в воде-то он у меня побывает, хоть бы мне пришлось столкнуть его туда силой!

На другой день погода стояла чудесная, зеленый лопух был залит солнцем.

Утка со всей своей семьей отправилась к канаве. Бултых! – и она очутилась в воде.

– Кряк-кряк! За мной! Живо! – позвала она, и утята один за другим тоже бултыхнулись в воду.

Сначала вода покрыла их с головой, но они сейчас же вынырнули и отлично поплыли вперед. Лапки у них так и заработали, так и заработали. Даже гадкий серый утенок не отставал от других.

– Какой же это индюшонок? – сказала утка. – Вон как славно гребет лапками! И как прямо держится! Нет, это мой собственный сын. Да он вовсе не так дурен, если хорошенько присмотреться к нему. Ну, живо, живо за мной! Я сейчас введу вас в общество – мы отправимся на птичий двор. Только держитесь ко мне поближе, чтобы кто-нибудь не наступил на вас, да берегитесь кошек!

Скоро утка со всем своим выводком добралась до птичьего двора. Бог ты мой! Что тут был за шум! Два утиных семейства дрались из-за головки утря. И в конце концов эта головка досталась кошке.

– Вот так всегда и бывает в жизни! – сказала утка и облизнула язычком клюв – она и сама была не прочь отведать утриной головки. – Ну, ну, шевелите лапками! – скомандовала она, поворачиваясь к утятам. – Крякните и поклонитесь вон той старой утке! Она здесь знатнее всех. Она испанской породы и потому такая жирная. Видите, у нее на лапке красный лоскуток! До чего красиво! Это высшее отличие, какого только может удостоиться утка. Это значит, что ее не хотят потерять, – по этому лоскутку ее сразу узнают и люди и животные. Ну, живо! Да не держите лапки вместе! Благовоспитанный утенок должен выворачивать лапки наружу. Вот так! Смотрите. Теперь наклоните головки и скажите: “Кряк!”

Утята так и сделали.

Но другие утки оглядели их и громко заговорили:

– Ну вот, еще целая орава! Точно без них нас мало было! А один-то какой гадкий! Этого уж мы никак не потерпим!

И сейчас же одна утка подлетела и клюнула его в шею.

– Оставьте его! – сказала утка-мать. – Ведь он вам ничего не сделал!

– Положим, что так. Но какой-то он большой и несуразный! – прошипела злая утка. – Не мешает его немного проучить.

А знатная утка с красным лоскутком на лапке сказала:

– Славные у тебя детки! Все очень, очень милы, кроме одного, пожалуй... Бедняга не удался! Хорошо бы его переделать.

– Это никак невозможно, ваша милость! – ответила утка-мать. – Он некрасив – это правда, но у него доброе сердце. А плавает он не хуже, смею даже сказать – лучше других. Я думаю, со временем он выровняется и станет поменьше. Он слишком долго пролежал в яйце и потому немного перерос. – И она разгладила клювом перышки на его спине. – Кроме того, он селезень, а селезню красота не так уж нужна. Я думаю, он вырастет сильным и пробьет себе дорогу в жизнь.

– Остальные утята очень, очень милы! – сказала знатная утка. – Ну, будьте как дома, а если найдете утриную головку, можете принести ее мне.

И вот утята стали вести себя как дома. Только бедному утенку, который вылупился позже других и был такой гадкий, никто не давал проходу. Его клевали, толкали и дразнили не только утки, но даже куры.

– Слишком велик! – говорили они.

А индийский петух, который родился со шпорами на ногах и потому воображал себя чуть не императором, надулся и, словно корабль на всех парусах, подлетел прямо к утенку, поглядел на него и сердито залопотал; гребешок у него так и налился кровью. Бедный утенок просто не знал, что ему делать, куда деваться. И надо же было ему уродиться таким гадким, что весь птичий двор смеется над ним!

Так прошел первый день, а потом стало еще хуже. Все гнали бедного утенка, даже братья и сестры сердито говорили ему: “Хоть бы кошка утащила тебя, несносный урод!” А мать прибавляла: “Глаза б мои на тебя не глядели!” Утки щипали его, куры клевали, а девушка, которая давала птицам корм, отталкивала его ногою.

Наконец утенок не выдержал. Он перебежал через двор и, распутив свои неуклюжие крылышки, кое-как перевалился через забор прямо в колючие кусты.

Маленькие птички, сидевшие на ветках, разом вспорхнули и разлетелись в разные стороны.

«Это оттого, что я такой гадкий», – подумал утенок и, зажмурив глаза, бросился бежать, сам не зная куда. Он бежал до тех пор, пока не очутился в болоте, где жили дикие утки.

Тут он провел всю ночь. Бедный утенок устал, и ему было очень грустно.

Утром дикие утки проснулись в своих гнездах и увидели нового товарища.

– Это что за птица? – спросили они. Утенок вертелся и кланялся во все стороны, как умел.

– Ну и гадкий же ты! – сказали дикие утки. – Впрочем, нам до этого нет никакого дела, только бы ты не лез к нам в родню.

Бедняжка! Где уж ему было и думать об этом! Лишь бы ему позволили жить в камышах да пить болотную воду, – о большем он и не мечтал.

Так просидел он в болоте два дня. На третий день туда прилетели два диких гусака. Они совсем недавно научились летать и поэтому очень важничали.

– Слушай, дружище! – сказали они. – Ты такой чудной, что на тебя смотреть весело. Хочешь дружить с нами? Мы птицы вольные – куда хотим, туда и летим. Здесь поблизости есть еще болото, там живут премиленькие дикие гусыни-барышни. Они умеют говорить: «Рап! Рап!» Ты так забавен, что, чего доброго, будешь иметь у них большой успех.

Пиф! Паф! – раздалось вдруг над болотом, и оба гусака упали в камыши мертвыми, а вода покраснела от крови.

Пиф! Паф! – раздалось опять, и целая стая диких гусей поднялась над болотом. Выстрел гремел за выстрелом. Охотники окружили болото со всех сторон; некоторые из них забрались на деревья и вели стрельбу сверху. Голубой дым облаками окутывал вершины деревьев и стлался над водой. По болоту рыскали охотничьи собаки. Только и слышно было: шлёп-шлёп! И камыш раскачивался из стороны в сторону. Бедный утенок от страха был ни жив ни мертв. Он хотел было спрятать голову под крылышко, как вдруг прямо перед ним выросла охотничья собака с высунутым языком и сверкающими злыми глазами. Она посмотрела на утенка, оскалила острые зубы и – шлёп-шлёп! – побежала дальше.

«Кажется, пронесло, – подумал утенок и перевел дух. – Видно, я такой гадкий, что даже собаке противно съесть меня!»

И он притаился в камышах. А над головою его то и дело свистела дробь, раздавались выстрелы.

Пальба стихла только к вечеру, но утенок долго еще боялся пошевелинуться.

Прошло несколько часов. Наконец он осмелился встать, осторожно огляделся вокруг и пустился бежать дальше по полям и лугам.

Дул такой сильный встречный ветер, что утенок еле-еле передвигал лапками.

К ночи он добрался до маленькой убогой избушки. Избушка до того обветшала, что готова была упасть, да не знала, на какой бок, потому и держалась.

Ветер так и подхватывал утенка, – приходилось прижиматься к самой земле, чтобы не унесло.

К счастью, он заметил, что дверь избушки соскочила с одной петли и так перекосилась, что сквозь щель можно легко пробраться внутрь. И утенок пробрался.

В избушке жила старуха со своей курицей и котом. Кота она звала Сыночком; он умел выгибать спину, мурлыкать и даже сыпать искрами, но для этого надо было погладить его против шерсти. У курицы были маленькие коротенькие ножки, и потому ее так и прозвали Коротконожкой. Она прилежно несла яйца, и старушка любила ее, как дочку.

Утром утенка заметили. Кот начал мурлыкать, а курица кудахтать.

– Что там такое? – спросила старушка. Она поглядела кругом и увидела в углу утенка, но сослепу приняла его за жирную утку, которая отбилась от дому.

– Вот так находка! – сказала старушка. – Теперь у меня будут утиные яйца, если только это не селезень. И она решила оставить бездомную птицу у себя. Но прошло

недели три, а яиц всё не было. Настоящим хозяином в доме был кот, а хозяйкой – курица. Оба они всегда говорили: “Мы и весь свет!” Они считали самих себя половиной всего света, и притом лучшей половиной. Утенку, правда, казалось, что на сей счет можно быть другого мнения. Но курица этого не допускала.

– Умеешь ты нести яйца? – спросила она утенка.

– Нет!

– Так и держи язык на привязи! А кот спросил:

– Умеешь ты выгибать спину, сыпать искрами и мурлыкать?

– Нет!

– Так и не суйся со своим мнением, когда говорят умные люди!

И утенок сидел в углу, нахохлившись.

Как-то раз дверь широко отворилась, и в комнату ворвались струя свежего воздуха и яркий солнечный луч. Утенка так сильно потянуло на волю, так захотелось ему поплавать, что он не мог удержаться и сказал об этом курице.

– Ну, что еще выдумал? – напустилась на него курица. – Бездельничаешь, вот тебе в голову и лезет всякая чепуха! Неси-ка яйца или мурлычь, дурь-то и пройдет!

– Ах, плавать так приятно! – сказал утенок. – Такое удовольствие нырнуть вниз головой в самую глубину!

– Вот так удовольствие! – сказала курица. – Ты совсем с ума сошел! Спроси у кота – он рассудительней всех, кого я знаю, – нравится ли ему плавать и нырять? О себе самой я уж не говорю. Спроси, наконец, у нашей госпожи старушки, умнее ее, уж наверное, никого нет на свете! Она тебе скажет, любит ли она нырять вниз головой в самую глубину!

– Вы меня не понимаете! – сказал утенок.

– Если уж мы не понимаем, так кто тебя и поймет! Ты, видно, хочешь быть умнее кота и нашей госпожи, не говоря уже обо мне! Не дури и будь благодарен за все, что для тебя сделали! Тебя приютили, пригрели, ты попал в такое общество, в котором можешь кое-чему научиться. Но ты пустая голова, и разговаривать с тобой не стоит. Уж поверь мне! Я желаю тебе добра, потому и браню тебя. Так всегда поступают истинные друзья. Старайся же нести яйца или научись мурлыкать да сыпать искрами!

– Я думаю, мне лучше уйти отсюда куда глаза глядят! – сказал утенок.

– Ну и ступай себе! – ответила курица.

И утенок ушел. Он жил на озере, плавал и нырял вниз головой, но все вокруг по-прежнему смеялись над ним и называли его гадким и безобразным.

А между тем настала осень. Листья на деревьях пожелтели и побурели. Они так и сыпались с ветвей, а ветер подхватывал их и кружил по воздуху. Стало очень холодно. Тяжелые тучи сеяли на землю то град, то снег. Даже ворон, сидя на изгороди, каркал от холода во все горло. Брр! Замерзнешь при одной мысли о такой стуже!

Плохо приходилось бедному утенку.

Раз под вечер, когда солнышко еще сияло на небе, из-за леса поднялась целая стая чудесных, больших птиц. Таких красивых птиц утенок никогда еще не видел – все белые как снег, с длинными гибкими шеями...

Это были лебеди.

Их крик был похож на звуки трубы. Они распростерли свои широкие, могучие крылья и полетели с холодных лугов в теплые края, за синие моря... Вот уж они поднялись высоко-высоко, а бедный утенок всё смотрел им вслед, и какая-то непонятная тревога охватила его. Он завертелся в воде, как волчок, вытянул шею и тоже закричал, да так громко и странно, что сам испугался. Он не мог оторвать глаз от этих прекрасных птиц, а когда они совсем скрылись из виду, он нырнул на самое дно, потом выплыл опять и все-таки долго еще не мог опомниться. Утенок не знал, как зовут этих птиц, не знал, куда они летят, но полюбил их, как не любил до сих пор никого на свете. Красоте их он не завидовал. Ему и в голову не приходило, что он может быть таким же красивым, как они.

Он был рад-радехонек, если бы хоть утки не отталкивали его от себя. Бедный гадкий утенок!

Зима настала холодная-прехолодная. Утенок должен был плавать по озеру без отдыха, чтобы не дать воде замерзнуть совсем, но с каждой ночью полынья, в которой он плавал, становилась все меньше и меньше. Мороз был такой, что даже лед потрескивал. Утенок без устали работал лапками. Под конец он совсем выбился из сил, растянулся и примерз ко льду.

Рано утром мимо проходил крестьянин. Он увидел примерзшего ко льду утенка, разбил лед своим деревянным башмаком и отнес полумертвую птицу домой к жене.

Утенка отогрели.

Дети задумали поиграть с ним, но утенку показалось, что они хотят обидеть его. Он шарахнулся от страха в угол и попал прямо в подойник с молоком. Молоко потекло по полу. Хозяйка вскрикнула и всплеснула руками, а утенок заметался по комнате, влетел в кадку с маслом, а оттуда в бочонок с мукой. Легко представить, на что он стал похож!

Хозяйка бранила утенка и гонялась за ним с угольными щипцами, дети бегали, сшибая друг друга с ног, хохотали и визжали. Хорошо, что дверь была открыта, – утенок выбежал, растопылив крылья, кинулся в кусты, прямо на свежавыпавший снег, и долго-долго лежал там почти без чувств.

Было бы слишком печально рассказывать про все беды и несчастья гадкого утенка в эту суровую зиму.

Наконец солнышко опять пригрело землю своими теплыми лучами. Зазвенели жаворонки в полях. Вернулась весна!

Утенок выбрался из камышей, где он прятался всю зиму, взмахнул крыльями и полетел. Крылья его теперь были куда крепче прежнего, они зашумели и подняли его над землей. Не успел он опомниться, как долетел уже до большого сада. Яблони стояли все в цвету, душистая сирень склоняла свои длинные зеленые ветви над извилистым каналом. Ах, как тут было хорошо, как пахло весной!

И вдруг из чащи тростника выплыли три чудных белых лебедя. Они плыли так легко и плавно, точно скользили по воде. Утенок узнал этих прекрасных птиц, и его охватила какая-то непонятная грусть.

“Полечу к ним, к этим величавым птицам. Они, наверно, заклюют меня насмерть за то, что я, такой гадкий, осмелился приблизиться к ним. Но все равно! Лучше погибнуть от их ударов, чем сносить щипки уток и кур, пинки птичницы да терпеть холод и голод зимою!”

И он опустился на воду и поплыл навстречу прекрасным лебедям, а лебеди, завидев его, замахали крыльями и поплыли прямо к нему.

– Убейте меня! – сказал гадкий утенок и низко опустил голову.

И вдруг в чистой, как зеркало, воде он увидел свое собственное отражение. Он был уже не гадким темно-серым утенком, а красивым белым лебедем!

Теперь утенок был даже рад, что перенес столько горя и бед. Он много вытерпел и поэтому мог лучше оценить свое счастье. А большие лебеди плавали вокруг и гладили его своими клювами.

В это время в сад прибежали дети. Они стали бросать лебедям кусочки хлеба и зерно, а самый младший из них закричал:

– Новый прилетел! Новый прилетел! И все остальные подхватили:

– Да, новый, новый!

Дети хлопали в ладоши и плясали от радости. Потом они побежали за отцом с матерью и опять стали бросать в воду кусочки хлеба и пирожного.

И дети и взрослые говорили:

– Новый лебедь лучше всех! Он такой красивый и молодой!

И старые лебеди склонили перед ним головы. А он совсем смутился и спрятал голову под крыло, сам не зная зачем. Он вспоминал то время, когда все смеялись над ним и гнали его. Но всё это было позади. Теперь люди говорят, что он самый прекрасный среди прекрасных лебедей. Сирень склоняет к нему в воду душистые ветки, а солнышко ласкает своими теплыми лучами... И вот крылья его зашумели, стройная шея выпрямилась, а из груди вырвался ликующий крик:

– Нет, о таком счастье я и не мечтал, когда был еще гадким утенком!

Жалобы зайки — Ушинский К.Д.

Растужился, расплакался серенький зайка, под кустиком сидючи; плачет, приговаривает:

«Нет на свете доли хуже моей, серенького зайки! И кто только не точит зубов на меня? Охотники, собаки, волк, лиса и хищная птица; кривоносый ястреб, пучеглазая сова; даже глупая ворона и та таскает своими кривыми лапами моих милых детушек — сереньких зайчат. Отовсюду грозит мне беда; а защищаться-то нечем: лазить на дерево, как белка, я не могу; рыть нор, как кролик, не умею. Правда, зубки мои исправно грызут капустку и кору гложут, да укусить смелости не хватает. Бегать я таки мастер и прыгаю недурно; но хорошо, если придется бежать по ровному полю или на гору, а как под гору — то и пойдешь кувырком через голову: передние ноги не доросли.

Всё бы еще можно жить на свете, если б не трусость негодная. Заслышишь шорох, — уши подымутся, сердчишко забьется, невзвидишь света, пырснешь из куста, — да и угодишь прямо в тенёта или охотнику под ноги.

Ох, плохо мне, серенькому зайке! Хитришь, по кустикам прячешься, по заочками слоняешься, следы путаешь; а рано или поздно беды не миновать: и потащит меня кухарка на кухню за длинные уши.

Одно только и есть у меня утешение, что хвостик коротенький: собаке схватить не за что. Будь у меня такой хвостище, как у лисицы, куда бы мне с ним деваться? Тогда бы, кажется, пошел и утопился».